

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО / CONSTITUTIONAL LAW

Редактор рубрики А. Г. Никитин / Rubric editor A. G. Nikitin

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.94-105>

УДК 101:30:342.4

В. В. ЛАЗАРЕВ¹

¹ Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

МЕТОДОЛОГИЯ КОНСТРУКТИВИЗМА В КОНСТИТУЦИОННОМ ОБУСТРОЙСТВЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Лазарев Валерий Васильевич, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: yalazer@rambler.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3027-6713>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-7684-2017>
SPIN-код: 5106-1080, AuthorID: 364237

Аннотация

Цель: изучение методологии конструктивизма в конституционном обустройстве государства и общества.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический, сравнительно-правовой, социологический.

Результаты: конструкция – строение, устройство, взаимное расположение частей чего-либо. Право – системный продукт, и поэтому конструктивизм изначально и органично присущ праву в любой из известных его форм. Особенно ярко возможности конструктивизма проявляются в законодательстве и дают о себе знать тем больше, чем более абстрактно, более общим образом излагается государственная воля. Конституционные тексты отличаются именно этим обстоятельством. Конституция, как письменный документ, отвечает всем признакам и свойствам социальной конструкции. Во-первых, она является продуктом рациональной деятельности людей, преследующих вполне определенные цели. Во-вторых, она имеет определенную структуру, строение, характеризующиеся признаком «конструкционности». В-третьих, она, будучи отражением и закреплением достигнутого материального, культурного и собственно правового уровня, позволяет видеть не только возможности познания и толкования закрепленной в ней властной воли, но и перспективы эффективного использования соответствующих норм и институтов. В-четвертых, технически выстраивая нормативный материал и систему взаимных связей субъектов конституционно-правового

© Лазарев В. В., 2022

© Lazarev V. V., 2022

общения, конституция являет собой оптимальную на момент создания конструкцию соотношения их прав, обязанностей, ответственности. Причем если в период рождения конституций считалось первостепенной задачей ограничить государственную власть, то современные реалии указывают на необходимость таких ограничений и по отношению к гражданам и гражданским объединениям.

Научная новизна: в работе обосновывается вывод о том, что конструктивный подход организует познание проводимых конституционных реформ в направлении выявления функциональных возможностей, заложенных в Конституции Российской Федерации, а в практическом отношении позволяет наиболее оптимально – четко, экономно, системно – проводить государственную (суверенную народную) волю по всем направлениям общественного развития.

Практическая значимость: выводы и положения статьи могут быть использованы в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности, учебном процессе образовательных организаций высшего образования.

Ключевые слова: конституционное право, конструкция, конструктивизм, конституция, конституционализм, право, обязанность, публичная власть

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Лазарев В. В. Методология конструктивизма в конституционном обустройстве государства и общества // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 1. С. 94–105. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.94-105>

The scientific article

V. V. LAZAREV¹

¹ Institute for Legislation and Comparative Legal Studies under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

METHODOLOGY OF CONSTRUCTIVISM IN THE CONSTITUTIONAL ARRANGEMENT OF THE STATE AND SOCIETY

Valeriy V. Lazarev, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Fundamental Legal Research, Institute for Legislation and Comparative Legal Studies under the Government of the Russian Federation

E-mail: yalazer@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3027-6713>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/G-7684-2017>

SPIN-код: 5106-1080, AuthorID: 364237

Abstract

Objective: to study the methodology of constructivism in the constitutional arrangement of the state and society.

Methods: dialectical approach to the cognition of social phenomena, which determined the choice of the following research methods: formal-logical, comparative-legal, sociological.

Results: construction is a structure, mutual arrangement of the parts of something. Law is a systemic product, therefore constructivism is inherently and organically present in law in any of its known forms. The possibilities of constructivism manifest themselves especially vividly in legislation and make themselves felt the more abstractly, the more generally the will of the state is expressed. It is this feature that is characteristic for constitutional texts. The Constitution, as a written document, has all the signs and properties of a social structure. First, it is the product of rational activity of people pursuing well-defined goals. Second, it has a certain structure characterized by “constructionality”. Third, being a reflection and consolidation of the actual material, cultural and legal level, it enables to see not only the possibilities of cognition and interpretation of the will of power enshrined in it, but also the prospects for the effective use of relevant norms and institutions. Fourth, technically building the normative material and the system of mutual relations of the subjects of constitutional and legal communication, the Constitution is the optimal construction at the time of creation of their balanced rights, duties, and

responsibilities. Moreover, while at the time of the birth of constitutions limiting state power was considered the primary task, the modern realities show the need for such restrictions in relation to citizens and civil associations.

Scientific novelty: the paper substantiates the conclusion that a constructive approach organizes the cognition of the ongoing constitutional reforms in the direction of identifying the functional capabilities inherent in the Constitution of the Russian Federation, and in practical terms enables to most optimally – clearly, economically, systematically – implement the will of the state (sovereign people's will) in all areas of social development.

Practical significance: the conclusions and provisions of the article can be used in scientific, legislative and law enforcement activities, the educational process of educational institutions of higher education.

Keywords: Constitutional law, Construction, Constructivism, Constitution, Constitutionalism, Law, Duty, Public authority

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Lazarev, V. V. (2021). Methodology of Constructivism in the Constitutional Arrangement of the State and Society. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (1), 94–105 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.94-105>

Введение

В отечественной правовой науке традиционно уделяется большое внимание юридическим конструкциям, которые представляют собой «структурное расположение правового материала, характеризующее определенным сочетанием субъективных прав, обязанностей, запретов, их внутренним единством и формами ответственности» [1]. В основу положено ключевое слово «конструкция» [лат. *constructio*] – строение, устройство, взаимное расположение частей чего-либо, определяющееся его назначением. При этом чаще всего понятию придается узкое и строго определенное значение, когда отсутствие какого-либо элемента или нестандартное расположение материала ставит под сомнение наличие конструкции вообще. В качестве типичного примера юридической конструкции приводится состав правонарушения или состав права собственности.

Представляется, что отраслевой подход к понятию «юридическая конструкция» недостаточен. Он не раскрывает всех теоретических и практических возможностей использования сокрытого в нем потенциала. Ограничение сферы его применения юридической техникой сужает область исследования правовой материи, в которой находят свое воплощение идеи философии конструктивизма. Восполнить пробелы – задача общей теории права, которая призвана к обобщениям на основе материала всех отраслей, к выводам, имеющим значение для других социальных наук.

Результаты исследования

Юридическая конструкция, будучи доктринальным и практическим продуктом юридического сообщества, обслуживает (служит инструментом) социально-экономические и политические процессы общественного развития и, следовательно, должна системно отражать идеальные модели его развития. В качестве примера такой общей юридической конструкции, выходящей за рамки собственно юридической техники и собственно юридической науки, назовем конструкцию соотношения национальных правовых систем и международного права.

В нашем широком подходе к юридическому конструктивизму имеет значение исторический момент. Так, В. Н. Синюков делает вывод о том, что с римских времен история свидетельствует «об асимметричном развитии [права] ... классических национальных правопорядков, где главным принципом организации был не некий имманентный закон структуры права, а весьма различные человеческие и прагматические явления» сугубо прикладной и утилитарной рефлексии [2]. Конструктивизм принято считать советским явлением. Новаторы провозгласили отказ от «искусства ради искусства» и призвали его служить производству, а производство – народу. Соответственно и юристы должны строить право, создавать свои юридические конструкции, придавая наибольшее значение их функциональному назначению – служению народу. Советский подход к праву изначально был сориентирован на конструктивизм: именно право

конструирует систему общественных отношений. Право больше чем их регулятор. Функции советского государства и права не сводились к охранительным – они созидательные.

В. Н. Синюков справедливо пишет о первых годах советской системы: «Когда говорят о русском авангарде и конструктивизме как важнейшем вкладе России в мировую культуру, забывают называть правовую культуру, которая выразилась в изобретении искусственной конструктивистской правовой системы – системы отраслей советского права, которые за внешними аналогичными наименованиями гражданского, уголовного права фактически скрывали совершенно новый правовой проект. Суть этого проекта состояла в социальной организации права через искусственный синтез норм разной правовой природы» [2].

Столь пространное цитирование предпринято для того, чтобы показать актуальность философского исследования конструктивизма (в том числе юридического) как социального явления в его психологических и социологических проявлениях. Это тема специальной статьи. Здесь же предлагается сосредоточить внимание на его особенном проявлении применительно к конкретно-историческим особенностям конституционного обустройства государства, в частности российского. Российские конституции 1918 и 1924 гг., а затем Конституция СССР 1936 г., Конституция СССР 1977 г., ее последующие редакции и, наконец, Конституция России 1993 г. дают богатый материал для размышлений. Нам он доступен в аспекте общей теории права с последующим обращением от общего и особенного к «единичному» – к конституционной реформе 2020 г. В своем глубоком понимании эта реформа уже не может ограничиваться объяснением в рамках сугубо правоведческого инструментария и требует обращения к философии конструктивизма с его приверженностью к рефлексивному и социологическому подходу, когда полнокровно учитывается роль идентичностей, систем ценностей, специфических представлений о мире, исторический опыт. При этом не исключена своего рода интеграция, казалось бы, несовместимых философских детерминант (например, позиций забытого исторического материализма и современного постмодернизма).

В принципе всякому праву в той части, в какой оно начинает выполнять производительную динамическую функцию, свойственно конструктивное на-

чало. Государство начинает использовать важнейшее нормативное средство регулирования общественной жизни не только и не столько для того, чтобы охранить сложившиеся отношения, сколько закрепить их на будущее в тех формах, какие более всего удовлетворяют его интересу. В наибольшей степени такой конструктивистский подход проявлялся в условиях масштабного системного реформирования развивающихся коммуникаций. А наиболее ярким показателем его являются эпохальные события принятия первых конституций в том или другом государстве.

Конструкция конституционных актов определялась основополагающими целями их принятия. Наиболее ярко это проявилось в Декларации прав человека и гражданина Конституции Франции от 24 июня 1793 г., в которой французский народ принял решение изложить права, священные и неотъемлемые, «дабы все граждане, имея возможность постоянно сравнивать действия правительства с целями всякого общественного учреждения, никогда не допускали угнетать и унижать себя тиранией. Дабы народ всегда имел перед глазами основы своей свободы и своего счастья, должностные лица – правила выполнения своих обязанностей, законодатель – предмет своего назначения» [3]. Не утратили своего общечеловеческого значения ни норма, провозгласившая права («эти права суть: равенство, свобода, безопасность, собственность»), ни норма, определяющая суть государственного устройства: «Закон должен охранять общественную и индивидуальную свободу против угнетения со стороны правящих». События французской революции определили не только содержание, но и структуру той Конституции, закрепившей республиканский строй, верховенство народа и народное представительство во власти.

Все последующие конституционные акты так или иначе имели в качестве примера конструкцию французской конституции, и в частности Декларацию прав человека и гражданина 1789 г., даже при том, что в монархических конституциях она получала иное, в некоторой степени спекулятивное, преломление. Но образцом становилась в итоге Конституция США от 17 сентября 1787 г. Классическая конструкция конституции обозначена здесь в виде трех блоков: образования союза людей, установления правосудия, закрепления «благ свободы». Соответственно учреждается законодательная, исполнительная и судебная

власть федерации и штатов и устанавливаются права народа, граждан и иных лиц (специальным Биллем о правах 1791 г.).

Может создаваться впечатление, что конструкция конституционного акта состоит преимущественно из предоставляемых кому-либо прав. Но это не так. Во всяком случае по отношению к должностным лицам государства на первое место ставятся обязанности. По французской Конституции 1793 г. государственные должности, по существу, можно рассматривать «лишь как обязанности». В одном только девятом разделе американской Конституции содержится семь запретов, десятый раздел весь состоит из запрещающих норм.

Классическая модель конституции, как представляется, исходила из того, что главные элементы конструкции должны сфокусироваться на порядке избрания или формирования государственных органов, на качественных характеристиках депутатов, чиновников и судей, их ответственности и процедурных сторонах их деятельности. Не упускалась из виду и финансовая сторона. Предполагалось, что соответствующий орган всегда найдет правильное (справедливое) решение вопроса в рамках отведенных ему полномочий. По американской или канадской конституции это особенно значимо по отношению к суду. Решения суда приобретают правотворческое значение.

Конструкция канадской конституции может представлять интерес еще и в том плане, что она пронизана монархическим началом. Она признает в качестве главы государства короля Великобритании. Он входит в состав законодательной власти Канады. Согласно Конституции Канады, через генерал-губернатора, представляющего короля, формально решаются многие процедурные вопросы. Так, в соответствии со ст. 38 Конституции Канады, генерал-губернатор «время от времени от имени Королевы... будет созывать Палату общин». Со стороны вышеназванное положение представляется неким анахронизмом, своего рода симулякром, но это дело самих канадцев – решать, быть или не быть соответствующему институту. Канадцы, например, на общенациональном референдуме проголосовали против отделения провинции Квебек.

Обязательным звеном конструкции федерального государства является разграничение конституцией полномочий федеральных властей и властей членов

федерации. Если в этой части консенсус не найден на конституционном уровне, трения и противостояние неизбежны.

Даже беглое и выборочное рассмотрение конституционных актов показывает, что конституция, как письменный документ, отвечает всем признакам и свойствам социальной конструкции. Во-первых, она является продуктом рациональной деятельности людей, преследующих вполне определенные цели. Во-вторых, она имеет определенную структуру, строение, характеризующиеся признаком «конструкционности». В-третьих, она, будучи отражением и закреплением достигнутого материального, культурного и собственно правового уровня, позволяет видеть не только возможности познания и толкования закрепленной в ней властной воли, но и перспективы эффективного использования соответствующих норм и институтов. В-четвертых, технически выстраивая нормативный материал и систему взаимных связей субъектов конституционно-правового общения, конституция представляет собой оптимальную на момент создания конструкцию соотношения их прав, обязанностей, ответственности.

Конституция – своего рода концепция устройства и переустройства общества. В этом плане следует согласиться с авторитетным немецким ученым Армином фон Богданди, предлагающим преподносить конституционное право в европейском правовом пространстве «концентрируясь на доктринальном конструктивизме» [4]. И, как во всякой концепции, в ней усматривается субъективный момент, который позволяет видеть разницу в разных конструкциях, видеть несовершенство и незавершенность отдельных из них. В идеале хотелось бы видеть четкость, логичность и определенность каждого элемента целостной конструкции, но в реальности так получается не всегда и поэтому никогда не снимается поиск наиболее эффективных средств преодоления обнаружившихся недостатков в общем правореализационном процессе.

Ранние буржуазные конституции можно охарактеризовать как конструкции периода модерна. Все последующие их трансформации испытали влияние постмодернизма, а современные философские и нравственно-политические представления способны вылиться в сокрушительные конструкции, находящиеся за гранью привычных представлений

о социальности и государственности. Кстати, это один из вопросов, определяющих конституционную конструкцию. Определяет ли конституция организацию общества или она определяет организацию государства, место ли в ней негосударственным властям, должны ли в конституции устанавливаться экономические и политические основы, убеждения нравственного и религиозного порядка? Где пределы правового, и в частности конституционного, регулирования?

Поставленные вопросы целесообразно рассмотреть в свете отечественного опыта конституционных решений. Но прежде всего вновь подчеркнем общее отношение новой идеологии к методологии конструктивизма. Как известно, в марксизме право вместе с моралью отнесено к формам общественного сознания в качестве особой идеологической формы. Конструктивистский подход в целом вписывается в парадигму интегративного (интегрального) правового понимания, когда одно из направлений рассматривает право в качестве особого государственного средства преобразования общественных отношений. Не только защиты существующих, но и создания новых. Социальный конструктивизм относят к группе рефлексивных подходов в отличие от реалистических подходов [5]. Но если жестко не разделять антропологический и лингвистический аспекты конституционализма и не сводить конституционный конструктивизм к роли знаков и символов в праве, то в любом радикальном варианте конструктивизм остается на позиции того, что познание – это не только отражение объективного мира, но и активный процесс созидательной деятельности субъекта. Истоки конструктивистского подхода можно в этом плане увидеть еще у Платона.

Конституционализм нового (социалистического) типа формировался, как и любой другой, в ходе противостояния разных политических сил непосредственно в жизни. Новая государственность рождалась в огне революционных сражений. К весне 1918 г. сложилась структура высших органов государственной власти и управления. Однако полномочия органов государственной власти должным образом определены не были. 10 июля 1918 г. была принята Конституция РСФСР, которая впервые в едином нормативном правовом акте закрепила принципы организации власти, форму государства, взаимоотношения власти и населения и т. д.

Текстуальное отражение фактической советской конституции явно показало ее отличительные конструктивные особенности. В отличие от буржуазных конституций, в которых все направлено на провозглашение прав каждого, советская Конституция фактически сконструировала и взяла за основу государственный суверенитет.

Конструктивизм советских конституций, вопреки классическим буржуазным, включал: 1) обеспечение полновластия государственной власти, ее суверенитет, независимость от кого бы то ни было; 2) разделение народа на классы, которые находились в разном положении по отношению к государству; 3) определение той части населения, которая фактически не охватывалась понятием народа и воля которой не только не находила государственного воплощения, но и активно подавлялась государством.

Концептуальные марксистско-ленинские положения, положенные в основу конституционного строительства, нашли свое воплощение в других частях общей конституционной конструкции. Прежде всего, это касается системы государственной власти и положения властей. Классические буржуазные конституции считали первостепенным делом установить границы правительственной деятельности, точно определить в тексте полномочия и ответственность всех должностных лиц. В качестве элемента конституционной конструкции концептуально закладывалось разделение властей. Все конституции социалистического типа отвергали разделение властей, признавая только разделение компетенции, это во-первых, а во-вторых – акцент делался на единстве властей. И, наконец, в-третьих, высшая власть выводилась за пределы государства. Конституция закрепила решающую и направляющую роль партии.

Последнее обстоятельство расценивалось по-разному: и как огосударствление партийного аппарата, и как слияние партии и государства. Представляется более точно расценивать соответствующие позиции как способ решения наиболее важных социальных проблем, вне зависимости от того, касаются ли они сугубо общества или государственной деятельности, в закрытом режиме, избегая изъяснений демократических форм.

Наиболее показательным элементом конституций социалистического типа явилась конструкция демократического централизма, т. е. «полновластия

трудящихся, их самостоятельности и инициативы, выборности их руководящих органов и их подотчетности массам, с централизацией – руководством из одного центра, подчинением меньшинства большинству, дисциплиной, подчинением частных интересов интересам общим в борьбе за достижение поставленной цели» [6].

Демократический централизм является объектом постоянной критики западных ученых, которые демонстрируют противоположность данного принципа принципам и нормам, закрепленным в буржуазных конституциях. Анализ соответствующих позиций позволяет нам сделать вывод о невозможности сводить конституционализм к одной из них. В разных конституциях разных периодов государственного развития могут закрепляться разные и даже противоположные принципы организации власти. Демократический централизм не без оснований нашел свое воплощение, например, в Конституции СССР 1924 г., конструкция которой предопределена обстоятельствами объединения советских республик в одно союзное государство, которое могло бы обеспечить (и обеспечило) и внешнюю безопасность, и внутренние хозяйственные достижения («преуспевания»), и свободу национального развития народов. Первым разделом Конституции СССР 1924 г. стала Декларация об образовании СССР. Вторым – Договор пяти советских социалистических республик об образовании СССР. Главным являлось определение предметов ведения верховных органов власти СССР и верховных органов союзных республик на основе провозглашения суверенных прав союзных республик и союзного гражданства.

Для исследователя российского конституционализма важно иметь в виду, что было шесть редакций Основного закона Российской Федерации 1925 г., 29 редакций Основного закона Российской Федерации 1937 г. и 10 редакций Конституции РСФСР 1977 г. Их принципиальные положения предопределялись содержательными позициями Конституций СССР 1924, 1936 и 1977 гг. Они, в свою очередь, обуславливались не только идеологическими марксистско-ленинскими постулатами, но и реальными внутренними и внешними условиями строительства социализма. Здесь важно отметить также их соответствие существенным общим признакам конституционализма: а) принцип правления, ограниченный конституцией; б) теория, обосновывающая необходимость уста-

новления конституционного строя; в) определенный конструкт правового сознания. Такое понимание конституционализма требует, в свою очередь, обращения к пониманию того, что имеют в виду, говоря о конституции.

По своей правовой природе конституция закрепляет сложившийся баланс социальных сил, претендующих на господство. Такого рода фиксация производится разными средствами: не обязательно письменными, а поскольку соотношение политических сил закономерно меняется, конституционализм находится в постоянном историческом развитии. Для фиксации его этапных состояний оказалось наиболее эффективным текстуальное закрепление сложившихся отношений. Поэтому писаная конституция для выполнения названной функции время от времени меняет свой текст.

Содержание конституции, как правило, включает в себя следующие основополагающие элементы: правовой статус личности; государственное устройство; систему государственных органов; государственную символику, а также механизм защиты самого конституционного акта. Обычно предваряет содержание конституции преамбула, которая не имеет юридической силы, но закрепляет основополагающие идеологические постулаты, сопровождает все конструктивные решения независимо от их уровня и заземленности. Например, точно подметил А. Клишас, говоря о поправках к Конституции Российской Федерации: «У целого ряда поправок очень важный идеологический, правовой смысл. Он касается того, что на уровень конституционных гарантий поднимается ряд гарантий, касающихся социальных прав» [7].

Структура последней редакции Конституции РФ 1993 г. отвечает современному стандарту и включает следующие элементы: 1) преамбула; 2) раздел первый, состоящий из 9 глав (Основы конституционного строя; Права и свободы человека и гражданина; Федеративное устройство; Президент Российской Федерации; Федеральное Собрание; Правительство Российской Федерации; Судебная власть и прокуратура; Местное самоуправление; Конституционные поправки и пересмотр Конституции); 3) раздел второй – заключительные и переходные положения.

Конституционная реформа 2020 г. внешне не затронула действовавшую на то время структуру

и оставила без изменений преамбулу Конституции Российской Федерации. Это важно подчеркнуть, поскольку и то и другое радикально сказываются на содержании общей конструкции. В преамбуле Конституции Российской Федерации закрепляются нравственно-политические воззрения многонационального народа России, которые обуславливают ее принятие и содержание.

С нашей точки зрения, преамбула российской Конституции 1993 г. имеет полнокровную регулируемую роль (в решениях конституционных судов встречаются на нее прямые ссылки). Она обуславливает логическое построение всего нормативного материала не только конституционного, но и других отраслей права. В создании конституционных конструкций имеет существенное значение установление взаимодействия прав, обязанностей, ответственности субъектов конституционных правоотношений. Конституционные конструкции по своей правовой природе направлены на обеспечение концептуальных основ всего законодательства в целом.

Уместно обратить внимание на то, что одна из таких конструкций, получившая свою легитимацию в ходе дискуссий о том, какой быть Конституции 1936 г. – программным документом или нормативно-правовым, сохраняет свое значение. Судьба любой конституции во многом зависит от решения вопроса, должна ли она фиксировать достигнутое, закреплять сложившиеся отношения или провозглашать некие цели в качестве должных, программных. Беда советской государственности (определенного периода ее развития) – в потере лица государства, в переходе на программный партийный метод. Программ принималось много, и отличительной их чертой являлась необязательность исполнения, умолчание об ответственности, хотя бы и позитивной. Другое дело, что, вопреки прямому действию Конституции, правоохранительные органы при разрешении конкретных дел часто дают основание для суждения о декларативности определенных норм. Поэтому приходится настаивать на разведении вопроса о том, как (в каком качестве) конструируется конституционная норма и почему (в силу каких обстоятельств) правоприменители воспринимают ее в ином качестве. Вот почему актуальны соображения о гарантиях социального государства, вот почему поддерживаются соответствующие социальные поправки, поднимаю-

щие соответствующие гарантии на конституционный уровень (хотя бы в законодательстве уже и были такого рода нормы).

Ценностные начала преамбулы и ориентация на безусловное проведение их в жизнь определили ход конституционной реформы и ее сущностное содержание. Особенность здесь состоит в том, что все изменения предлагалось охватить одним законом – им стал Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Казалось бы, правка внесена в разные разделы, в разные статьи и, более того, новые статьи появились. У них разные предметы регулирования. Однако в том и новизна принятого решения, которая определена главным содержанием целостной конструкции. Гражданам предлагалось проголосовать не за каждую отдельную поправку, а за одну интегрированную по организации и функционированию публичной власти, суть которой состояла в усилении этой власти. Это новаторский российский, своего рода постмодернистский подход, когда конструкция Закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ охватывает некое множество правок. Более того, это такой сложный комплексный закон, реализация которого требует конструктивных изменений в соответствующих законах, Бюджетном и Налоговом кодексах Российской Федерации, в законах о местном самоуправлении.

Сущностное содержание принятой конструкции еще потребует концептуального обоснования по мере ее реализации. Мы же еще раз подчеркнем, что, с нашей точки зрения, каждая из правок и все они вместе неразрывно объединены общей идеей усиления публичной власти как в части ее организации, так и в части функционирования. По поводу каждой из них можно сказать, чем она усиливает власть, в чем ее эффективность в этом направлении. Но здесь, за недостаточностью места, важно подчеркнуть именно сам момент единства всех нововведений.

Стержень обозначенной идеи состоит в усилении президентской власти. Президентская власть существенно усиливается по отношению к правительству, суду, прокуратуре, в решении кадровых вопросов. Интегрирующим моментом аргументации является возможность выдвижения действующим главой го-

сударства своей кандидатуры на следующих выборах Президента Российской Федерации. В либеральной же среде, вопреки всякой логике, расценивали так называемое обнуление президентских сроков как конституционный переворот. В действительности никакого переворота, никакой измены существующему государственному строю не произошло. Напротив, есть только усиление государственного строя. По общему признанию, Россия по Конституции 1993 г. является президентской республикой. Переворот был бы, если бы вдруг предлагался переход к республике парламентарной. Но ни в заявлениях правящей элиты, ни в проводимых реформах никакого движения в этом направлении нет. Скорее, наоборот, президент не один раз подверг сомнению данную форму правления для России.

Особый вопрос – как относиться к сильной власти действующего Президента РФ. Свое позитивное отношение по этому вопросу мы уже высказали в статье «Оценивать рационально и конкретно-исторически». В вышеназванной работе содержится послы оценивать демократию во всем богатстве ее содержания, принимая во внимание в том числе и те негативные обстоятельства, которые она влечет: дороговизну ее институтов, неоперативность принятия решений, рост правонарушений и пр. Многие факты свидетельствуют о перекосах в нашей жизни, когда права гражданина превозносятся в ущерб лежащим на каждом гражданине обязанностям [8].

Важно понимать, что на государстве и на каждой из государственных властей лежат обязанности, а на сильной власти должны лежать еще более значительные. Возрастает значение конструкции конституционной ответственности президента по мере усиления полномочий и возрастания власти (не случайно в рабочей группе по разработке Закона о поправке обращалось на это внимание).

На сайте ИА REX могли прочитать: «Путин вносит в Конституцию то, что для глобалистов и мировой олигархии не очевидно и даже резко неприемлемо. Да, это еще не идеология, но идеологические конструкции на конституционном уровне» [9]. Нет, почему же не идеология? Это, с нашей доктринальной точки зрения, государственная идеология, которая предложена действующим президентом Федеральному Собранию и при закреплении Законом о поправке к Конституции России стала обязательной.

Следует решительно возразить тем, кто полагает, что «наука конституционного права должна наконец-то перестать быть частью государственной идеологии» [10]. Напротив, государственная идеология, и прежде всего конституционная, тогда имеет полнокровную силу, когда в ее основе лежит наука, когда научные идеи пронизывают все ее теоретические и практические аспекты. Кстати, заметим: в развернутом исследовании С. А. Денисова о таком явлении, как конституционные девиации, много идеологически спорного, но нельзя не согласиться с тем, что «вред, который приносят отклонения от конституционных норм, должен определять меры защиты от них». Здесь опять дело за наукой. Сегодня совершенно очевидно, что деидеологизация явилась одним из деструктивных проектов, рожденных временем 90-х, что идеология является неременной составляющей духовности всех систем социума. Но при этом, как представляется, нельзя упускать из вида, что «духовность бывает разной – светлой и темной, позитивной и негативной» [11].

Анализ содержательных новаций проведенной конституционной реформы, несмотря на их целостность, позволяет выделить существенные черты того, что меняет дизайн конституционной конструкции в целом, и того, что относится к совершенствованию отдельных составляющих этой конструкции. Иногда они имеют лингвистическую окраску, хотя лингвистикой совсем не исчерпываются. В качестве примера приведу правку ст. 68 Конституции России, в которой русский язык указывается как язык государствообразующего народа. На наш взгляд, такая основа не лучшая для последующей динамики национально-государственных отношений. Следовало бы записать: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как государствообразующий язык равноправных народов Российской Федерации». Последние можно рассматривать как самостоятельные конструкции надлежащей организации статистики и динамики механизма власти. Отсюда прослеживаются, например, изменения в формировании Правительства России, в организации конституционного контроля, в установлении новых параметров соотношения государственной власти и власти местного самоуправления. Рамки статьи не позволяют остановиться на всем этом подробно, но

представляется необходимым отметить то, что, на наш взгляд, следовало бы проводить в русле реализации итогов проведенной реформы.

По условиям современности все конструктивные построения должны работать на неуклонное выполнение установленных для соответствующих субъектов обязанностей. Если в период рождения конституций считалось первостепенной задачей ограничить государственную власть, то современные реалии указывают на необходимость таких ограничений и по отношению к гражданам и гражданским объединениям. Ключевой подход – во взаимной ответственности граждан и государства. Такая ответственность немыслима иначе как на основе права, которая по всем параметрам, и прежде всего по своему уровню и обязательности, является конституционной, которая является продуктом интеграции национального и международного права.

Новые перспективы открываются перед конструкцией соотношения международного и национального права. Доктрина и практика в России всегда понимала положения ст. 15 Конституции Российской Федерации как признание верховенства национальной конституции над любыми другими нормативными решениями национальных и международных органов. Вместе с тем в Законе о поправке ст. 79 Конституции России предложено изложить в новой редакции. Отсюда дополнение ст. 125 Конституции Российской Федерации, согласно которой Конституционный Суд Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации (п. «б» ч. 5.1).

Вышеназванные положения не предполагают отказа Российской Федерации от соблюдения самих международных договоров и выполнения своих международных обязательств. Они, как указал

Конституционный Суд России [12], не вступают в противоречие с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Конструкция данного заключения специфична и по объекту, и по процедуре проверки Закона о поправке. В рассмотрении дела не участвовали стороны, не было судьи-докладчика, не выступали эксперты, и принятое заключение суть плод творчества судей. Оно имплементировало не вступившие в силу конституционные новеллы в действующий текст Конституции. Однако имплементировало фактически временно, вплоть до положительных итогов всероссийского голосования. Только голосование легитимизировало позитивные выводы суда. Это тот случай, когда над Конституционным Судом и конституционным правосудием возвысилась еще одна инстанция. Это конструкция временной имплементации в Конституцию России новых положений в расчете на их принятие всероссийским голосованием. Создан прецедент, ценность которого еще предстоит осмыслить. При этом данный механизм предназначен не для утверждения отказа от исполнения международных договоров и основанных на них решений межгосударственных юрисдикционных органов, а для выработки конструкции конституционно приемлемого способа исполнения таких решений Российской Федерацией.

Из конструктивных новаций внутреннего права, требующих особого внимания в плане соблюдения конституционной законности в процессе их реализации, отмечу внесение в ст. 131 Конституции России новеллы, согласно которой органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления.

Заключение

Итак, обращая внимание на общую и некоторые частные конструкции нормативного конституционного материала применительно к развитию российской государственности, делаем вывод, что само понятие конструкции организует наше познание проводимых реформ в направлении выявления функциональных возможностей, заложенных в конституции, а в практическом отношении позволяет наиболее оптимально – четко, экономно, системно – проводить государственную (суверенную народную) волю по

всем направлениям общественного развития. Конструктивизм изначально и органично присущ праву, а его возможности раскрываются тем больше, чем более абстрактно, более общим образом изложена господствующая воля. Конституционные тексты отличаются именно эти обстоятельством.

Наконец, отметим и теоретическую продуктивность конструктивистской методологии в сфере конституционализма. Она позволяет видеть консти-

туцию и как фактическое соотношение реальных политических сил, и как документ, содержащий набор определенных норм, символов и смыслов и, не менее важно, как социально-ментальный конструкт квантовой интерпретации того и другого, соединяющий (интегрирующий) позитивистско-рационалистическую и рефлексивистскую картину конституционализма. Это конституция третьего измерения, как реалья, идентичная способу ее понимания.

Список литературы

1. Иванов А. А. Римское право: основные понятия, законы и иски, персоналии и сентенции: словарь-справочник. Москва: Флинта, 2015. 317 с.
2. Синюков В. Н. Системная методология и закономерности правового регулирования // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 4. С. 44–46.
3. Конституция Франции от 24 июня 1793 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1793.htm> (дата обращения: 07.12.2021).
4. Армин фон Богданди. Доктринальный конструктивизм в прошлом и будущем: стратегия ответа на насущные вопросы, стоящие перед конституционно-правовой наукой в Европе // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 1. С. 39–66.
5. Лекторский В. А. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии // Конструктивизм в теории познания / под ред. В. А. Лекторского. Москва: ИФРАН, 2008. С. 31–42.
6. Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 8. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Москва: Сов. энцикл., 1972. 592 с.
7. Андрей Клишас – РБК: «Политики должны перестать думать о трансфере». URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/06/26/5eeb87f59a794754b917b24f> (дата обращения: 07.12.2021).
8. Лазарев В. В. Оценивать рационально и конкретно-исторически (Комментарий к Закону о поправках в Конституцию РФ). URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/otsenivat-ratsionalno-i-konkretno-istoricheski/> (дата обращения: 07.12.2021).
9. Зачем прописывать в Конституции «очевидные вещи»? URL: <http://www.iarex.ru/news/73891.html> (дата обращения: 07.12.2021).
10. Денисов С. А. Конституционная девиантология (общая теория): в 3 кн. Кн. 1: Наука конституционной девиантологии. Конституционные девиации. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. С. 13, 23.
11. Сорокин В. В. Учение о духе права: монография. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2020. С. 19.
12. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 17 марта. № 56.

References

1. Ivanov, A. A. (2015). *Roman law: basic notions, laws and suits, personalia and maxims: thesaurus – reference book*. Moscow, Flinta (in Russ.).
2. Sinyukov, V. N. (2017). System methodology and legal regulation. *Bulletin of the Moscow State Region University*, 4, 44–46 (in Russ.).
3. *Constitution of France of June 24, 1793*. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1793.htm> (access date: 07.12.2021) (in Russ.).
4. von Bogdandi, Armin. (2010). The past and promise of doctrinal constructivism: a strategy for responding to the challenges facing constitutional scholarship in Europe. *Comparative Constitutional Review*, 1, 39–66 (in Russ.).
5. Lektorskii, V. A. (2008). May constructivism and realism be combined in epistemology? In V. A. Lektorsky (ed.). *Konstrukтивizm v teorii poznaniya* (pp. 31–42). Moscow, IFRAN (in Russ.).
6. Prokhorov, A. M. (ed.). (1972). *Great Soviet Encyclopedia*, in 30 vol. Vol. 8 (3d ed.). Moscow, Sov. entsikl. (in Russ.).

7. Andrey Klishas – RBK: “Politicians should stop thinking about transfer”. <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/06/26/5eeb87f59a794754b917b24f> (access date: 07.12.2021) (in Russ.).

8. Lazarev, V. V. *Estimating rationally and specific-historically (Comment to the Law of amendments to the Constitution of the Russian Federation)*. <https://www.advgazeta.ru/mneniya/otsenivat-ratsionalno-i-konkretno-istoricheski/> (access date: 07.12.2021) (in Russ.).

9. *Why stipulating “obvious things” in the Constitution?* <http://www.iarex.ru/news/73891.html> (access date: 07.12.2021) (in Russ.).

10. Denisov, S. A. (2019). *Constitutional deviantology (general theory)*, in 3 books. Book 1: Science of constitutional deviantology. Constitutional deviations. Ekaterinburg, Gumanitarnyi universitet (in Russ.).

11. Sorokin, V. V. (2020). *Doctrine of the spirit of the law*, monograph. Barnaul, Izd-vo Altaiskogo un-ta (in Russ.).

12. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.03.2020 No. 1-3 “On the compliance to the Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the non-effective provisions of the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation “On improving the regulation of certain issues of organization and functioning of public authority”, and on the compliance to the Constitution of the Russian Federation of the order of the entry into force of Article 1 of the above Law in connection with the enquiry of the President of the Russian Federation” (2020, March, 17). *Rossiiskaya gazeta*, 56 (in Russ.).

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 27.12.2021

Дата принятия в печать / Accepted 05.02.2022

ПОЗНАНИЕ

Антонова, И. И.

Стандартизация в формировании системы инновационного менеджмента предприятия / И. И. Антонова, А. Т. Хадиева. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2021. – 168 с.

В монографии обобщены научные основы формирования системы инновационного менеджмента на основе стандартизации, представлена концептуальная и нечетко-множественная модель мониторинга и анализа технологической готовности инновационного проекта с учетом стандартизации, сформулированы рекомендации по развитию инновационного менеджмента предприятия с применением стандартизации.

Адресована как магистрантам, аспирантам и научным работникам, занятым исследованием вопросов применения стандартизации в формировании системы инновационного менеджмента, так и практическим работникам, непосредственно занимающимся решением данного вопроса.